

*Петер Незник*¹

ДЕМЕНОВСКИЙ РАЙ. ЗАЧЕМ НУЖНЫ ЛОГИКИ? ЯРОСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ СЛИНИН²

Аннотация. Задачей исследования является обсуждение вопросов связи философии и жизни в обществе через рассмотрение роли слова-логоса. Мотив логоса появлялся в истории философии во многих формах как часть размышлений о значении истории, культуры или образования. На этот раз я хотел бы подчеркнуть важность логоса по отношению к сути человеческого существования и их сосуществования. Исследование выходит за рамки общепринятых, объективирующих, классически академических схем и матриц, поскольку цель состоит в том, чтобы показать важность философии в раскрытии «иного» логоса — того, чью суть благодаря его связи с эмоциональным измерением раскрыли, например, философы-романтики и поэты. Речь пойдет о логосе, создающем само время, дух времени, в разговоре, в жизненных встречах, создающем «между»-пространство — промежуток между повседневностью и вечностью, влияющий на личные судьбы его участников на протяжении всей их жизни. Это исследование также является рассказом-признанием о личной встрече с Логосом, который в образе уникального Учителя воплотил для меня профессор Ярослав Анатольевич Слинин.

Ключевые слова: философия, логос, сосуществование, разговор, судьба, память.

Peter Nezník

THE DEMÄNOVA PARADISE. WHAT ARE LOGICIANS FOR? YAROSLAV ANATOLYEVICH SLININ

Abstract. The task of the study is to unravel the issue of the relationship, the links between philosophy and life in society via an optic bringing the role of the word into relief. The motif of “logos” has appeared throughout the history of philosophy in many forms, whether via the framework of reflection on the meaning of history, culture or education. I would like to emphasize the importance of logos in relation to the essence of human existence and coexistence as such. Investigations will, purposefully, move beyond the usual, objectifying, classically academic schemes and matrices, because the goal is to show the importance of philosophy in revealing the “other” kind of logos—the one revealed, via inwardness, via bonds relating to the emotional dimension of intimacy, for example by philosophers of tragedy and poets; that is, the

---

¹ *Незник Петер* — к. филос. н., доцент кафедры философии, Университет П. Й. Шафарика в Кошице.

Peter Nezník, PhD, C.Sc. (philosophy), Associate Professor, Pavol Jozef Šafárik University in Košice. peter.neznik@upjs.sk

² Исследования проводятся в рамках проекта ВЕГА № 1/0257/20 «Концепт женщины-героини в средневековой экзегетической литературе».

Grant scheme: VEGA 1/0257/20 Scientific Grant Agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak republic and Slovak Academy of Science. Project title: “The concept of woman heroine in the medieval exegetic literature”/“Koncept ženy hrdinky v stredovekej exegetickej literatúre”.

logos that creates time itself, the spirit of the epoch, in dialogue, in life meetings that create an inter-space between the everyday and eternity, that life-long influences the personal destiny of participants. This study arises from, and is testimony to, an encounter with the Logos itself, via the person of an unforgettable Teacher, Professor Slinin.

Keywords: philosophy, logos, coexistence, dialogue, destiny, memory.

Для цитирования: *Незник П.* Деменовский рай. Зачем нужны логики? Ярослав Анатольевич Слинин // *Логико-философские штудии.* 2022. Т. 20, № 2. С. 122–145. DOI: 10.52119/LPHS.2022.61.28.009.

Сейчас я больше бедняга! Да, моя дорога тяжела, выбила меня из колеи, в оркестр звуков, но вряд ли в первые скрипки — в примы, я дошел туда, где я не принадлежу. Они вышвырнули меня отовсюду, и вот в господском саду я как камень...

М. Разус. Встреча

1. Введение

«Мы все живем в мире, который нам дан, который для нас открыт, и мы его берем как реальность». Она же, продолжает чешский философ Ян Паточка (1907–1977), эта реальность — это то, что просто есть, и мы принимаем ее как должное, считая ее основой, фундаментом нашей жизни и наших передвижений. «Наша жизнь в мире есть также чем-то само собой разумеющееся» (Пато́чка 2002: 357). То, над чем думал Паточка, мы можем найти в немного другом ключе у К. Ясперса, человека совсем другого поколения, хотя они были современниками. Но в текстах Паточки уже с ранних лет находим следы интеллектуальной близости и в каком-то смысле больше, чем лишь интеллектуальный интерес и временное увлечение. Слова Ясперса идут в глубь человеческой души, мыслей, поисков и внутренних споров, трагических метаний. Мы живем, переставляя ноги из одного дня в другой, находимся в состоянии пассивности, перманентной (постоянной) резигнации и отсутствия интереса к жизни и очень редко осознаем, что сущность свободы есть борьба. Человек лишь иногда сможет осознать, кто он есть на самом деле, и решает, кто он есть, в своих поступках и всегда в конкретной ситуации. Можно прочесть в книгах Ясперса мысли про «ситуацию» человека XX века и мира, в котором он живет. Именно понятие «ситуация» заинтересовало Паточку и, наверное, не только его, в философии Ясперса, в смысле ее дальнейших разработок уже в его собственных произведениях.

В книге «Духовная ситуация времени» К. Ясперс пишет: «Человек есть всегда много больше, чем он сам знает про себя. Он не один и тот же во всех случаях,

он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действовании решает, что он есть. Существование человека — не круговорот, просто повторяющийся в поколениях, и не ясное, открывающееся себе существование. Человек прорывается через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение движения кнезнакомой цели. Поэтому человек расщеплен в глубине своей сущности» (цит. по изд.: Jaspers 2008: 141).

Паточка с позиции «интеллектуального сына» как бы продолжает мысль своего «идейного отца» Ясперса: «Люди, с которыми мы *сообща* живем, *сообща* действуем, *сообща* трудимся, *сообща* думаем, учимся *сообща*, так же как и мы сами, не живут в согласии (наедине) с собой, живут в спорах с самим собой; мы видим, что они предают самих себя, они разочаровываются в своих жизненных проектах, они расходятся с тем, во что они верили. Но в жизни есть и более твердый опыт. Есть такой опыт жизни, как неожиданная смерть, есть опыты с развалом общества» (Ратошка 2002: 357). Эти слова Паточка высказал в социалистической Чехословакии, сегодня уже «бывшей» родной стране двух национальностей — ссорящихся братьев чехов и словаков — с 1918 г., в 70-е гг. — в последний период своей жизни, полной раздумий и колебаний. Мы здесь упомянули отношение «отцы и дети», эта тема для нас будет важна. Отношение «отцы и дети» имеет разные смыслы и коннотации. Одно из них есть и отношение «Учитель и ученики».

«Учитель и его ученики» — важная тема, над которой нам хочется размышлять. Она будет более близка и понятна, если ее включить в соотношение с поиском пути в жизни — жизненного пути, смысла, в смысле бинарности, по образцу древних греков: «боги и люди», «ночь и день», «вечное и смертное (человеческое)», «публичное и приватное». В книге нашего юбиляра Я. А. Слинина и К. А. Сергеева «Природа и разум. Античная парадигма» (1991) мы находим эту мысль: «Выдвинем здесь такую гипотезу, что после поисков общих определений всего сущего, предпринятых Сократом, после концепции идей Платона логос Гераклита в учении Аристотеля становится силлогистическим „органом“. „Логос“ Гераклита — это логос бодрствующего состояния, в коем люди и все сущее обнаруживают общий и единый для всех космос. И это логос бытийный, космос-объединяющий, а не формально-логический, не гносеологический. Согласно диалогам Платона, сфера „мнения“ — это сфера не разъединения и противопоставления, а сфера прежде всего взаимосвязи и общения, сфера пребывания „посредине“, взаимозависимость «между» (μετέω). Это есть сфера становления „логоса“ в смысле „эйдоса“. Здесь „глаз наполняется зрением и видит, становясь не просто зрением, но видящим глазом“ (Тимей, 159e). В сфере диалогического общения, в сфере обмена мнениями, т. е. „посредине“ и „между“ необходимо обнаружить истинное сущее (ὄν — проблема элеатов) и единое (ἕν) в смысле строго определенного. И вот „посредине“, „между“ наполняется созерцанием, становится „видящим зрением“. Только

во встречном мнении, только в диалогическом общении раскрывается „идеальная структура“ всего сущего. Именно в таких встречных сопоставлениях определений разнообразия всего сущего раскрывается единая сфера бытия и сознания, образующая сложную, диалектически противоречивую динамику становления общего для всех участников диалога космоса» (Сергеев, Слинин 1991: 29–30). Мы видим, что Слинин и Сергеев делают акцент на том, что «после досократиков и софистов, когда уже перебрали все начала сущего, когда Анаксагор обратился к «нусу» и «гомеомериям», Сократ в поисках «общих определений (свидетельство Аристотеля) обратил внимание на искусство ремесленного производства и на сферу $\mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\omega$, сферу диалогических соображений, в коей можно обнаружить присущий всем логос и общий для всех живущих и мыслящих космос» (Сергеев, Слинин 1991: 29). Нам кажется важным и то, что часто не совсем верно делают противопоставление мнения и знания.

В Чехословакии философию Сократа изучал Паточка, который через Сократа создал свою философию XX века как «заботу о душе». Имеется и не менее интересная книга под названием «Сократ нелегандарный» (1965) Й. Л. Фишера (J. L. Fischer), чешского философа из Университета им. Т. Масарика в г. Брно и университета в г. Оломоуце. В диалогах Платона его Сократ задается вопросами «почему?». «Поиск мудрости и сама мудрость формируются в диалогической сфере, в сфере $\mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\omega$. Когда Сократ просит своих собеседников растолковать ему тот или иной вопрос, когда он расшатывает обоснованность общепринятых мнений, он тем самым как бы вынуждает их совместно принять участие в поиске истины, совместно этот процесс выстрадать. Истинное знание порождается в жизненно-драматическом столкновении мнений, а не в рамках сугубо абстрактных рассуждений. Диалог оказывается непреходящим опытом формирования нового философского мышления» (Сергеев, Слинин 1991: 30). Мы можем поставить вопрос «Что есть истина?», припомнив слова Гегеля о том, что именно истина есть самое важное для философии.

Нам хотелось привести эти мысли Я. А. Слинина и К. А. Сергеева, чтобы обратить внимание на то, что было для них самым важным в философии, в ее понимании, как и в учении, так и в их личной — педагогически-приватной — жизни. Речь идёт о диалогическом характере философии и о постоянном поиске истины через форму мыслящего диалога, который понимается как совместный *переход* от мнений к знанию. Он немислим без того, чтобы вопрос коренным образом смог вовлечь самих участников диалога, тех, кто ищет ответ на загадки «любителей мудрости». И ответ нужен совсем не для былого и древних, он нужен нам, нужен для нас самих.

Философия и философы. Философия и жизнь. Философия и история философии. Философия и логика. Философия и наука. Философия и литература. Философия и история. Философия и религия. Размышляя над статьей нам приходят на мысль многие философские вопросы и темы не только по истории философии.

фии. «Что есть философия?» Самый первый, самый простой или, наоборот, самый сложный вопрос.

Попробуем сформулировать, поставить иначе те же самые вопросы. К чему логики? Зачем они? К чему поэты? К чему логика? Что такое мышление? К чему и зачем? Зачем мышление? Зачем наука? Зачем нам нужна религия? Зачем история? Зачем «былое» — память о прошлом? Зачем истина? Зачем философия? Что значит мыслить? Что значит «Учитель и ученик»? Русский философ и поэт В. Соловьев обращался к Н. Федорову именно этими словами — дорогой «учитель, наставник и утешитель...». А. В. Ахутин писал, что с времен Сократа, «если верить Сократу, мы не обращаемся к учителям и авторитетам, но только к мысли, к *самой* мысли, где зачинаются, рождаются и сообщаются все философские мысли» (Ахутин 2005: 53). Все эти вопросы перед нами ставят множество других вопросов — вопросов повседневной жизни. К чему? Почему? И наконец для простого ума вопрос — зачем? К чему? Для чего? Или для какой *пользы*? Все они сегодня могут казаться пустыми, как глухой звук давно минувших времен издалека, былое давно прошедших времен. Сегодня передовые IT-технологии и новые софисты — инфлюенсеры суть те, чей голос слышно больше всех на агоре нашей всемирной деревни — в виртуальном пространстве. Шум звуков рок-музыки и техно, гул машин и техники, больше смога и пыли гаджеты и СМИ изощренно влияют на психику человека. Все это направлено на одно — на человека — и стремится заглушить мысль и мышление. Мы уверены в том, что здесь, именно в этих формулировках ставится совсем не простой вопрос. Может быть, это есть самый важный вопрос, касающийся нас и нашей жизни, нашего бытия.

«Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!» — говорит Гамлет Шекспира. Шекспира считают знатоком человека и человеческой души. Лев Шестов (1866–1939) в своей книге «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (Шестов 2001) развивает эту мысль блестяще и глубоко. Он обстоятельно изучал произведения Шекспира, но, к сожалению, был выбран роком для нелегкой жизни, чтобы внести вклад в философию трагедии. К этой мысли Шестов постоянно возвращался и в своем поединке — диалоге с Ясперсом, в котором он изложил в рецензии на книгу «Vernunft und Existenz» (Jaspers 2003) интересные мысли про философию повседневности («всемства») и философию «исключений» — философию трагедии. Гамлет и Дон Кихот — эти герои поэтов могут изображать людей, их жизнь, поступки и идеалы. Никто из нас не будет в какой-либо ситуации только лишь Гамлет или только Дон Кихот, скорее, некоторые черты нашего характера могут быть ближе или к одному или к другому, и так мы сможем лучше определить и осознать самих себя, открыть глубины нашей души. Шекспира на русский переводил поэт Б. Пастернак. Гамлет на русском языке мысль Шекспира передает в этой реплике Гамлета, стоне его души. Перевод трудное дело, и много раз тему перевода текста обсуждали филологи и философы. Чешский перевод этой фразы Гамлета звучит немного иначе: «Вывихнулось время из своих суставов

и сходит с ума: неужели я родился, чтобы исправить это»³.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своих медитациях о любви сказал, что наша индивидуальность как бы соткана из наших жизненных мнений и опытов, но самым главным является именно сердце, а не разум, как мы имеем склонность считать. Трудно понять, почему мы часто забываем про подоплеку и тень в глубине нашей личности. Наверно, это то же самое, что увидеть маленький кусочек земли, по которому шагают наши ноги. «Самым большим обманом со времен Ренессанса до наших дней было верить вместе с Декартом, что мы живем исходя из нашего сознания, из этой узкой части своего существа, которую мы видим ясно и где действует наша воля. Сказать, что человек разумен и свободен, мне кажется близким к неправде. Да, мы действительно обладаем разумом и свободой; но обе силы создают лишь тоненькую завесу-поверхность, которая утаивает глубину нашей личности... ее внутреннее не есть ни разумно, ни свободно. (...) И это похоже на то, как на сцене нашей ясной мысли показывают желания, словно актеры, которые появляются уже одетыми между таинственными и темными театральными декорациями, где они рассказывают свои реплики. Так как было бы неправильно сказать, что театр — это только игра, которую играют на его светлой, освещенной сцене, то мне кажется, что было бы неправильно сказать, что человек живет исходя из своего сознания, из своего духа. На самом деле, кроме короткого действия включения воли, мы живем иррациональной жизнью, которая выходит в сознание, и которая выходит из отверстия таинственной пещеры, незримой глубины, которая мы и есть. Психологи должны сделаться аквалангистами-водолазами, чтобы нырнуть под поверхность слов, поступков и мыслей ближнего, которые мы видим на сцене. Важно здесь лишь то, что есть за всем этим. Зрителю достаточно увидеть Гамлета...»⁴ (Ortega y Gasset 1996: 114).

К литературе и искусству, к темам, близким ему, его душе в своих философских текстах любил возвращаться Я. Паточка. Он сам сверял переводы и часто сам исправлял и так называемые классические переводы мэтров филологии. Он был не только философ, но и филолог. Его труды после 1989 г. были изданы в многотомном издании «Собрание сочинений Яна Паточки», в т. ч. трактаты «Забота о душе» в трех томах — философские тексты по истории философии и феноменологии, включая «Феноменологические тексты» и «Коменологические тексты», посвященные исследованиям творчества Яна Коменского. Литературе и искусству были посвящены два тома под названием «Искусство и время I–II». Вместе с Достоевским, Ницше и Шестовым Паточка вошел в «четверку» мыслителей благодаря развитию идей Достоевского в связи с чешской философией, о чем пишет русский философ Борис Васильевич Марков в статье «Образы Европы у Ницше, Достоевского, Шестова и Паточки» (Марков 2017) в книге «Достоевский

³“Vymknuta ze svých kloubů doba šílí: že jsem se zrodil, abych napravil ji!” (Shakespeare 1963).

⁴См. также интересные рассуждения про Р. Декарта в книге Я. А. Слина (Слинин 2012), а также у А. Койре (Койрэ 2005).

и Ницше. Апофеоз беспочвенности. За и против...» (2017).

Эта книга была посвящена нашему юбиляру — Ярославу Анатольевичу Слинину — в связи с 85-летием его богатой и творческой жизни. Во введении книги говорится, что для нас 2017 год был годом многих юбилеев и многих исторических событий. В 2017 г. мы праздновали 10 лет возобновления («повторного» основания) философского факультета Университета Павла Йозефа Шафарика в г. Кошице. В проекте «Достоевский и Ницше в контексте чехословацкой и русской философии XIX века» мы возобновили сотрудничество с нашими учителями и коллегами в России, в т. ч. с Институтом философии Санкт-Петербургского государственного университета. В 2022 году мы празднуем 15-летие философского факультета Университета Павла Йозефа Шафарика в г. Кошице.

Для философов ситуация стала намного сложнее. В условиях экономических проблем администрация университета и коллеги с других кафедр начинают задавать вопросы «К чему философия?», «Зачем она нам нужна?». Наш прежний заведующий кафедрой философии ушел на пенсию, время нельзя остановить, а кому нужны старики, если им, как Сократу, 70 лет? Его же в Афинах судили и осудили на смерть. За что? Учил молодежь мыслить, учил их делу мысли. Так и нам придется оправдываться, будет нужно опять доказывать, что философский факультет, объединяющий филологов, историков, политологов, социологов, педагогов и других, без кафедры философии трудно вообразить, хотя мы знаем, что многое можно помыслить. Говорят, Ж.-Ж. Руссо, когда ему намекали, что его «очаровательная» Тереза не так уж умна и тем более не так красива, шутя отвечал, что у него хорошее воображение. В Словакии существовали две кафедры с названием «Кафедра философии и истории философии», вторая была в Братиславе в Университете Яна Коменского. После того, как мы позволили, чтобы из названия нашей кафедры отсекали историю философии, мы сейчас уже лишь «Кафедра философии». Значит ли это что-либо? Может быть, да, а может быть, нет. Время покажет. В конце концов, может, и мы пойдем на гильотину, если у властей университета будет такое желание, если цифры и калькулирующее мышление снова будет решать за нас.

Пять лет тому назад нас больше всего радовало, что один из самых близких людей в России, в Санкт-Петербурге, в городе на Неве празднует прекрасный юбилей и может совместно с нами радоваться плодам наших многолетних стараний и усилий. «Поэтому мы хотели бы напомнить о юбилее близкого для большинства авторов данной книги человека — о *85-летию* советского и русского философа, логика, феноменолога Ярослава Анатольевича Слинина, доктора философских наук, профессора Института философии Санкт-Петербургского университета, заведующего кафедрой логики (1984–1999), почетного профессора СПбГУ. Ярославу Анатольевичу Слинину мы посвящаем эту книгу в знак нашего уважения и глубокой благодарности Учителю» (Марков, Незник 2017: 27). Нас радует, что Ярослав Анатольевич Слинин в крепком здравии, с улыбкой и в бодром творческом состо-

янии мысли и духа отметил 31 января 2022 г. прекрасные 90 лет. Мы желаем нашему юбиляру всего доброго, крепкого здоровья, новых книг и выражаем надежду на будущие встречи и беседы.

Ярослав Анатольевич Слинин — автор множества трудов, книг и сочинений, среди которых и книга с интересным названием «От Платона до Сартра. Поиски аподиктической истины» (2012), к сожалению, еще не переведенная еще на словацкий, чешский или английский язык. «Своими учителями из древних я считаю Платона и Аристотеля, из мыслителей XX века я считаю Гуссерля и Сартра», говорит Я. А. Слинин, а из современников это были И. Н. Бродский и О. Ф. Серебрянников. Этим наш юбиляр показывает свои интеллектуальные корни и истоки философской мысли и жизни. В этом ключе мы попробуем идти далее в наших рассуждениях.

В начале 1980-х годов мы имели счастье на первом, а также и на следующих курсах учебы встретиться с лекциями мастеров слова и знаков, «иероглифов» логики. Меня всегда удивляло и поражало то, с какой легкостью они радостно «всё» и «всем» могут объяснить, «всё» объять своей мыслью, и как их мысли и слова «обо всём» появляются под рукой, точно как у ремесленника в мастерской, когда он обрабатывает свое изделие. И так они легко всё делают — мыслят и объясняют, и размахом художника мелом раскрашивают доску... чтобы с помощью тряпки в руке все с доски исчезло, как прошлогодний снег. Самое важное, что все понимают, хотя нам, студентам, было сложно успевать за ними и мы чувствовали себя как опоздавшие на вокзале, когда поезд уже далеко в пути, а ты со своим чемоданом — с пустой головой, в растерянности думаешь, что же делать? Разве только махать белым платком, или шарфом... и желать счастливого пути... Или повеситься на нем? Так ситуация на уроке логики иногда заводила в тупик и на душе было тоскливо и нелегко. Но это была наша вина, так как наша мысль была незрелой, нам было надо пойти в школу, чтобы начать думать, и мы привыкли постепенно, подобно тому как тело надо упражнять, так надо накачать и силу мысли, как любил шутить К. А. Сергеев, «мозги должны шевелиться». Иногда еще страшнее бывало на уроках математики с иксами, игреками, интегралами, логарифмами... и всякими «лакомствами» — теоремами, до тех пор, пока мы более основательно не освоили фундамент всего — русский язык, настоящий, живой повседневный и научный язык. Если вспомнить общие впечатления о том времени, что уместно делать в праздник, как нельзя более пригодный для воспоминаний, то 80-е годы в Ленинграде неслись под флагом затишья перед бурей...

1980 г. был годом Олимпийских игр в Москве. Как можно прочитать в издании «Лекций разных лет по философии» Е. С. Линькова во вступительной статье И. Батраковой «Школа мысли»: «Чрезвычайный интерес вызывали у публики лекции Линькова по курсу немецкой классической философии, читаемые им ежегодно по два семестра на протяжении пятнадцати лет. Они неизбежно проходили в атмосфере духовного подъема и стали заметным явлением в культурной жизни

города, встав в ряд университетских лекций, имевших особое научное и общественное значение... Лекции Евгения Семеновича собирали весьма разнообразную по составу аудиторию. Их посещали не только студенты, выпускники и аспиранты философского факультета, но и студенты, а также преподаватели других факультетов университета, иных учебных заведений (филологи, историки, востоковеды, физики, математики, медики, слушатели духовной семинарии), вольнослушатели — словом, все, кому была неотложно необходима разумная мысль. Молва о настоящей философии распространялась по городу и как магнитом тянула неравнодушных к ней на Менделеевскую линию Васильевского острова. Порой самая большая аудитория факультета не могла вместить в себя всех желающих: они сидели на подоконниках, стояли в проходе у окон в конце аудитории, около входной двери и даже снаружи за открытой дверью. Энергия лектора захватывала слушателей...» (Батракова 2018: VII).

Так получилось, что философский факультет, да и вся страна Советов в эти годы вступили на путь, ведущий к переломам, к внутреннему перерождению и многим кризисам. Когда поколение сыновей не принимает ценности своих отцов, тогда наступает период кризисов. Мы в студенческие годы были свидетелями и соучастниками этих движений и крупных переломов. Нашей школой мысли были не Маркс, Энгельс и Ленин, а Г. В. Ф. Гегель, и постепенно в поиске собственного жизненного пути, в поиске философии мы наконец вступили на путь истории философии и стали изучать таких философов Нового времени, как Декарт, Спиноза и Лейбниц, но уже под руководством не Е. С. Линькова, а Константина Андреевича Сергеева. Ему были близки периоды древнегреческой философии и философии Ренессанса. Самые важные темы истории философии и логики в интерпретации К. А. Сергеева и Я. А. Слинина мы постигали через их лекции, мысли, книги и особенно беседы. Их способ мышления, работа с текстами по логике, истории философии, истории науки, их акцент на работу и обращение к работе над подлинниками — с трактатами древних мыслителей, но также и с книгами иностранных авторов — были близки классической западноевропейской университетской традиции и дореволюционного университета в России. Они были прекрасно знакомы с философией в Чехословакии времен «Пражской оттепели», ориентировали нас на национальные источники и работу с ними в Библиотеке Академии наук. Кроме Я. Паточки и его учителя Э. Гуссерля, в Чехословакии был важен и М. Хайдеггер. Я знакомился с книгами и других философов и историков, какими были Роберт Каливода, М. Пруха, Карел Косик и другие. Но до этого удавалось добираться медленно, постепенно и долго, почти всю мою профессиональную жизнь в борьбе с самим собой.

Как любил говорить своим студентам и читателям Мераб Мамардашвили, русский философ и грузинский Сократ: «Истина тебя нигде не ожидает, никто тебе ее по почте, как выражается Пруст, не пришлет (в том числе истину о Гете, о Стендале и др.). Ты должен остановиться и работать, т. е. там, в движущемся

по инерции мире, ты должен остановиться и работать над впечатлениями здесь, в точке пересечения лучей» (Мамардашвили 2004: 244). Мамардашвили считал, что Пруст нарочно неточно цитирует слова из Евангелия от Иоанна: «Ходите, пока свет еще с вами». «Пруст цитирует, заменяя одно слово другим. И ошибка характерна: вместо слова „ходите“, он берет слово „работайте“, т. е. это глубокое ощущение устройства мира, такого, что он есть, существует, если только мы пошевеливаемся в зазоре — молнией, на одну секунду открывшегося лада. И если мы упустили эту секунду и не расширили работой этот открывшийся интервал, то ничему не быть, ибо, по метафизическому закону, все необратимо и не сделанное нами никогда не будет сделано. То, что ты оказался здесь, это только ты оказался здесь, только ты мог понять в том, что только тебе посветило. Ты ни на кого другого не можешь положиться, никто другой тебе не может помочь, и ты не можешь положиться и на будущее, ни на вчерашнее, ни на разделение труда, что мы, мол, вместе сплотимся и разберемся» (Мамардашвили 2004: 244–245).

В теме учителя и учеников важно то, как учитель понимает свою роль и место в учебе и в контакте со студентами. Иногда лекции — это монолог высокого уровня и значимости, как было у Гуссерля, а также Хайдеггера и Паточки, которые, подобно Сократу, умели помогать в поисках себя, о чем мы говорили выше. После одной лекции Гуссерль обратился к своему ассистенту Мартину Хайдеггеру и сказал с большим успокоением: «Как мы хорошо поговорили!» — хотя его лекция, по свидетельству очевидцев-учеников, была монологом.

Ханс-Георг Гадамер (1900–2002) в одном из своих небольших текстов «О учителях и учениках» (1986; (Gadamer 1995) размышлял над своей жизнью, своим пути к философии и над близкой его душе темой — герменевтикой и пользовался довольно обыкновённым словом «слушатели». Не только студенты, которые собрались в аудитории на лекции, суть слушатели, считал Гадамер. Нет. Мы все являемся слушателями. Для того чтобы кто-то мог быть слушателем, он должен обрести способность слушать, так как мы все живем как бы в замкнутости внутри самого себя, и поэтому больше всего нам важны и нужны учителя. Нам кажется, что здесь сразу перед нами стоит мэтр философии — классический философ, блестящий знаток Платона и античности, рисует нам свои картины, они вводят нас в состояние заколдованности через посредство его любимого Сократа. Но разговор будет идти на этот раз совсем другими путями, лесными тропинками — дорожками мышления. Гадамер начинает вспоминать про былое, про своих учителей, благодаря которым он смог обрести эту самую важную способность мыслить и быть сам собой — обрести свободу и от учителя, а это невозможно осуществить, если вначале не удастся быть слушателем. Учителя — это именно те близкие люди, которым в столь многом должен быть навсегда благодарен каждый ученик, в том числе и сам мастер слова — отец философской герменевтики Х.-Г. Гадамер. С кафедры, говорит он, идет в мир публичное слово. Макс Вебер (1864–1920), выступая перед студентами, сказал, что аудитория университета не должна быть

местом для политического слова и агитации. Нет. Не должен преподаватель заниматься политикой в аудитории. Университет должен быть храмом мысли и науки. Молодость Гадамера проходила под влиянием двух виднейших философов — личностей философии XX века — Хайдеггера и Ясперса. Молодые студенты поколения Гадамера были под сильным влиянием «гения мысли» и волшебника из Месскирха — Мартина Хайдеггера. Это было причиной того, что в конце концов Гадамер решил продолжить заниматься классической филологией. Высота мысли Хайдеггера оказалась столь впечатляющей, что он на себе почувствовал силу огромного давления, что не будет сил дышать... И тогда он понял и осознал, что ему надо обеспечить для себя достаточный прочный фундамент (Grund), чтобы было можно быть ученым. Но не надо забывать, что 20-е годы прошлого века были довольно сложны и для университетской жизни. Гадамер на нескольких страницах рассказал историю про «былое» — историю его студенческих времен. Можно сказать, что воспоминания Гадамера были повествованием про «философский рай», светлые времена его молодости и времен университетов.

После десяти лет молчания Ясперс издал свои фундаментальные книги «Духовная ситуация нашего времени» и три тома под названием «Философия»⁵. Из слов Гадамера можно узнать, что Ясперс был для него тем, кто смог передать способ мышления и поиска собственного пути. Подход, структура и способ мышления и изложения мысли были совершенно новыми, манера и стиль письма были иными, чем было принято в академической среде. Ясперс был особый читатель философских текстов и старинных писем — произведений, говорил Гадамер, вся традиция и ученость в его руках получала вторую жизнь и новое дыхание. Через Ясперса Гадамер смог более глубоко понять, чем должна быть герменевтика. Чтобы открыть слово и в слове жизнь, в слово надо вчитаться, как это смог сделать благодаря своему таланту Ясперс, и стремиться это живое передать через живое слово — вложить его в письмо так, чтобы не исчезла сама жизнь. По Ясперсу, коммуникация есть то, что связывает мыслителей прошлого с нами и мыслителями будущего. Чтобы быть этим «между», требуется умение войти в подлинный, «аутентичный» разговор, коммуникацию с прошлым и будущим. Кроме современников, Гадамер считал своими учителями Платона и Гегеля. Гегель смог силой своей мысли, своих философско-понятийных конструкций содействовать «живой» мысли и через немецкий язык связать мысль древней Греции и мысль XIX века и всей истории философии и культуры. Изучая Гегеля, можно углубиться в мистирию самого языка.

Платон был и остается учителем философии, учителем философского мышления для всех тех, у кого найдется хоть малейшая крупица воли мыслить и искать корни нашей культуры и духовности. Гадамер сделал долгожданный, но и не ожи-

---

⁵Здесь и далее мы будем свободно пользоваться текстом Гадамера, чтобы пересказать суть его мысли и не было надо все делать сноски. Потому просим читателя простить этот прием, за что его благодарим за снисходительность.

данный шаг в сторону. По его словам, Платон был человеком двух измерений — философ и поэт. Мы знаем, как он сам боролся против поэтов. К чему нужен Гадамеру этот шаг в сторону «танца мысли»? Платон через Сократа вел разговоры с молодыми людьми и своими согражданами, чтобы явить им то, что для них, кто озабочен многими для них якобы важными делами и мыслями, остается совсем не открыто, утаено, незнакомо то, что и есть самое важное, — «забота о себе». Сократ мастерски заставлял своих собеседников обратить свой взор от внешнего мира внутрь, в глубь самого себя, в свою душу, открыть новый, внутренний мир для того, чтобы самому увидеть внутреннюю расщепленность и состояние разлома, «хаос» в глубине самого себя. Душа и есть зеркало того, что происходит в полисе, и она не застрахована от потери внутреннего единства.

Если попробуем идти медленно, не торопясь, и более основательно проникнуть в мысли Паточки, высказанные в его ранних произведениях, мы узнаем, почему для него и его сограждан в Чехословакии немец Ясперс был так близок и дорог, чем был Ясперс так важен и нужен для его ищущей души. «Это был именно он, кто сумел открыть Кьеркегора и Ницше, больших психологов, реализующих опыты-эксперименты в понимании себя, которые выявили смысл „психологии глубины“, опередившие систематическую науку на долгие десятилетия. Кьеркегора для Германии открыл Ясперс, и в этом он был зачинатель моды... Но Ницше и Кьеркегор — не только психологи. Они суть... пророки, энтузиасты и также философы...» (Patočka 2008: 301). Ясперс понимает философствование, по словам Паточки, как путь, именно как дорогу, ведущую к самому себе, которую операции мысли начинают и освещают, но никогда ее не облегчают, и в последней инстанции не дают финального решения. «Если сравнить Ясперса с Гуссерлем, мы можем увидеть, что у него нет того большого энтузиазма относительно идеи науки, что так значимо для Гуссерля, и его [Ясперса. — П. Н.] elán [воодушевления] для экзистенции, что характерно для него, он слишком абстрактен, чтобы смог нас захватить» (Patočka 2008: 307). Здесь стоит обратиться к лекции Гадамера «Философия между наукой и Lebenswelt» в Праге на конференции к 90-летию Паточки. В ней Гадамер припомнил, что когда Гуссерль на лекции объяснял понятие «Lebenswelt» и его значения, он «делал акцент на то, что в начале мы должны понять, как нужно подойти к восприятию... И тогда он, Гуссерль, объясняя эти славные вещи — как нужно сосредоточиться при восприятии — делал странные движения. Со мной на лекции был мой старый приятель Федор Степун, и он потом позже говорил: „Он выглядит как сумасшедший часовщик“. Объясняя эти свои мысли, он все время крутил правой рукой в своей левой руке... Это были его движения, чтобы сосредоточить свое внимание. Каждый человек имеет такие свои странности, и потому мы все можем быть материалом для карикатуры...» (Gadamer 2000: 252). Гадамер подтвердил, что и русские студенты посещали лекции Гуссерля, известно, что и у Ясперса были русские студенты, например А. Кожевников — позже А. Кожев. С русской эмиграцией Паточка поддерживал близкие и плодотворные связи, как

следует из следов былого — со слов его семьи, из его воспоминаний о молодости и детских временах.

Работы Ясперса, которые упоминал молодой Паточка (ему было тогда 30 лет), были именно теми текстами, которым посвятил свои исследования и его современник Лев Шестов, но уже на старости лет — ему было уже лет 70. Вопросы, над которыми думал и работал Ясперс, не только были новыми, но имели своей интенцией желание понять человека, открыть его в его глубине по-другому, чем это было до того в академической философии. Здесь нам могло бы казаться, когда будем их читать и сравнивать с книгами и текстами его современников, что Ясперс поднимает бунт. Действительно ли? Разве был философ Ясперс бунтарем в академической среде? Поднимал ли Ясперс бунт по поводу методов Ницше-филолога? Лев Шестов написал своим неповторимым стилем — шестовским языком — важные слова и мысли, которые стоит сопоставить с идеями Паточки. Почему для философии, как и для выдержанного вина, иногда надо жизнь пройти, чтобы подойти к мудрости? Шестов в тексте под названием «*Sine effusione sanguinis*. О философской честности (по поводу книги „*Vernunft und Existenz*“ К. Ясперса)» пишет: «Карл Ясперс, несомненно, является в наше время одним из самых выдающихся философов в Германии — по глубине, силе, напряженности и совершенно исключительной искренности мысли, той *Redlichkeit*, которую он так любит и ценит в Нитше и Киркегарде и которую привил немецкой философии Кант. Его небольшая книга „*Vernunft und Existenz*“, составленная из прочитанных им на немецком языке в Голландии лекций и в Голландии же по-немецки опубликованных, представляет поэтому для нас огромный интерес. Она напоминает сравнительно мало читаемые, но тем не менее замечательные небольшие статьи Канта: „О причине неудачи всех теодицеев“ и „Что значит ориентироваться в мышлении?“. „Слово разум, — говорит Ясперс, — мы употребляем, придавая ему ту ширину, ясность и правдивость, которые ему придавал Кант“ (*V et Ex.* 26)» (Шестов 1937: 23). Показательно написал Шестов в рецензии на книгу Ясперса, что она «доставила бы полное удовлетворение великому кенигсбергскому философу» (там же).

Ясперс в книге говорил о Кьеркегоре и Ницше, влияние которых на наше время, по словам Ясперса, ни с чем не сравнимо. «При всей их необычайной одаренности — Ясперс не колеблясь причисляет их к величайшим философским гениям человечества — оба они в своих крайних, резких, безудержных выступлениях, ни считающихся ни с нашими навыками мышления, ни с освященными веками традициями должного и достойного, являются как бы вызовом всем божеским и человеческим законам. Главным образом поражает и потрясает нас их ничем не сдерживаемая ненависть и презрение к разуму. Все, что они нам говорили, запечатлено этой ненавистью и этим презрением. Можно ли еще, после Нитше и Киркегарда, доверять разуму, искать у разума истины, строить под его водительством философию? Тем более, что, повторяю, отвернуться от Ницше и Киркегар-

да, отвернуть их Ясперс не хочет и не может — его добросовестность мыслителя (*Redlichkeit*) не позволяет ему этого. „С ними наступил сдвиг в западной философии, последнее значение которого еще нельзя расценить“. И еще: „их мышление создает новую атмосферу. Они переступают через все границы, которые до них все считали окончательными. Кажется, что они в мыслях уже ничего не боятся“. В таких и еще более сильных выражениях говорит Ясперс о философском творчестве Нитше и Киркегарда. В современной литературе никто так высоко не ценил и с такой нежностью и любовью, граничащей с благоговением, даже с обожанием, не говорил о них. И тем не менее — принять их мы не можем. „Оба делают прыжок в трансцендентное, но в такое бытие в трансцендентном, в какое на самом деле никто за ними не следует“. „Их ответов никто не принимает — они не наши“. И еще: „общее в их действии — оба очаровывают и потом разочаровывают, оба захватывают и оставляют неудовлетворенными, как бы отпускают с пустыми руками и сердцами. Они уничтожают возможность какого-либо удовлетворения“. А меж тем философия может, философия обязана давать и всегда давала людям удовлетворение. „Через века точно проходила тайна, которая, однако открывается тому, кто к ней причастился, которая в каждом поколении может вести к тому, что нам передано о Пармениде и об Ансельме: то непостижимое удовлетворение в мыслях, которое для непонимающих представляется формальной абстракцией, бессодержательным вздором“ (Шестов 1937: 24–25). Шестов, читая книгу Ясперса, не может согласиться с тем, что философия в каждом поколении давала удовлетворение тем, кому она открывала свою сущность, но «ничего не открыла таким гениальным прозорливцам, каким были по Ясперсу, Кьеркегор и Ницше? „Пока человек философствует... он чувствует себя в связи... с тайно-открытой целью свободно ищущих людей“... Что же? Киркегард и Нитше не были свободно ищущими людьми? Ясперс отвечает: «Они — исключения во всех смыслах»... И, «существуя, как исключения, они выполняют свою задачу». Соответственно этому, „вопрос в том, как жить нам, когда мы не представляем из себя исключения, но, глядя на исключения, ищем свои внутренние пути“... Иными словами: с одной стороны „мы все“ — или, как говорил Достоевский, „всемство“, с другой стороны одинокие люди — „die sind wie ausgestossen“ (словно изверженные), как выражается о Нитше и Киркегарде Ясперс. И на той, и на другой стороне творится философия. Но где философия истинная? На стороне всемирности или одиноких людей?» (Шестов 1937: 25–26). Шестов в сноске объяснил, что значит «всемство» у Достоевского, которое тот использовал в «Записках из подполья». И здесь же можем читать: «Ясперс не говорит о Достоевском: вероятно он не интересовался русским писателем или не считает нужным вспомнить о нем, когда речь идет о философии. Но Нитше знал „Записки из подполья“ и восторженно о них отзывался. Нет ничего невозможного в том, что его столь вызывающая фраза — *percreat mundus, fiat philosophia, fiat philosophus, fiat* есть только перевод слов подпольного человека: „свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а

чтоб мне чай всегда был“» (там же: 25). Шестов был многими мыслями Ясперса крайне недоволен. Книга «Vernunft und Existenz», по словам Шестова, книга поистине замечательная, Ясперс готов идти на всевозможные уступки... он даже говорит о философской вере — не о вере в откровенную истину... Если припомним некоторые мысли Ясперса, он там упоминает и Эватла, его спор-тяжбу с Протагором, о чем написала интересную и вдумчивую статью Елена Лисанюк, ученица Я. А. Слинина и коллега по кафедре логики⁶.

Об этих темах, вопросах философии и истории философии, особенно в Древней Греции, в Афинах, как Гадамер — о философии Сократа и симпозиона, а не Иова и Тертуллиана, размышлял в социалистической Чехословакии Паточка в текстах, посвященных Европе и европейскому человечеству, Платону и Сократу, древней Греции и ее философии. Единство в космосе, в полисе стоит на том же единстве — на внутреннем единстве души — сходстве души самой с собой, над чем трудились Сократ и Платон. Такой может быть философия — философия, понятая через жизнь, а не по образцу, матрицам академической, профессорской философии, и в совершенно противоположном, совсем другом ключе, как поиск, вечно длящийся процесс, не имеющий конца, жизненная драма не только Сократа и Платона, Достоевского или Ницше (В. Соловьев, Л. Шестов), но и каждого, кто будет иметь смелость и отвагу вступить, идти на стезе мысли, и беспроблемной жизни, через вопрос и философствующее мышление.

Не только Хайдеггер проводил разграничение между калькулирующим (*das rechnende Denken*) и мыслящим мышлением. Также и словацкий поэт и писатель, проповедник Мартин Разус (1888–1937) заметил, что в Европе в XX веке вместо сердца люди наших дней уже имеют лишь счеты, калькулятор, и все идет через цифры, математическую сетку, как в бухгалтерии — приход и расход. Куда делась декартовская «*générosité*», или на латыни «*generositas*», «великодушие»⁷, благородство, добросовестность, доброжелательность, скромность и любовь к ближнему?

---

⁶См. (Jaspers 2003: 102); также в этом томе: Лисанюк Е. Н. Платон, Аристотель и Я. А. Слинин были судьями в тяжбе Протагора и Эватла.

⁷Здесь можно припомнить текст венгерского философа Габора Бороша «Мольер, Декарт и *générosité*» (Boros 2009), где интересно показывается место и роль великодушия-«*generosité*» в связи с Декартом и его «Страстями души», 161: «То, что обыкновенно называют добродетелями, собственно, привычки души, располагающие ее к определенным мыслям, так, что привычки отличны от этих мыслей, но могут их вызвать и, наоборот, появиться под их влиянием. (...) Кажется, что нет другой добродетели, которую благородное происхождение поддерживало бы так же, как добродетель, в силу которой дает себе самому справедливую оценку. Легко понять, что души, вложенные Богом в наши тела, неодинаково благородны и сильны, поэтому для этой добродетели я предпочел наше слово „великодушие“ (*Generosité*), а не „величие души“ (*Magnanimité*), как принято в школе, где эта добродетель мало известна. Но несомненно, что хорошее воспитание весьма содействует исправлению недостатков, связанных с происхождением» (Декарт 1989: 552). По Декарту, именно благородство как добродетель может быть средством овладеть страстями и вести более уравновешенную жизнь.

В своем рассказе «Demänovský raj», в переводе на русский язык — «Деменовский рай», он излагает воспоминания о мире детства, светлом и радостном мире счастья. Тема «деменовского рая» близка и мне, так как это было место моего детства, там был мой дом, моя жизнь, правда через 70 лет после писателя М. Разуса. Моя бабушка была с ним одного поколения. Их связывала странная «цепь» — беднота жизни. Разус любил повторять, что человек если вырвался в люди из бедных условий жизни, то будет помнить свой долг перед своими братьями и сестрами в беде. В рассказе «Весна в долине» Разус пишет: «но кто вышел из хижины... тот узнал, увидел, познал мир и не потерял свое сердце — тот знает! Нация начинается с человека, не с министров и уездов, так и церковь начинается не с епископских резиденций — а со словацких хижин, ибо именно там есть начало всего. Эти хижины бедных смотрят на автомобили богачей, как они ездят дорогой по их долине, туда-сюда. В окнах их дома цветут цветы, их было столько, что могли их возить на повозках... и сейчас мир круто изменился, в их душах тихо растет недоверие и ненависть...» Для простых людей Мартин Разус был герой. Он рассказал свою жизненную историю, «сказку своей жизни», в волшебной книжке для детей и взрослых «Марошко». «Деменовский рай» — мир его детских лет, игр и встреч, где он был счастлив, беззаботен и радостен. Такой же свободной и чистой была их молодость, время воли, они никого и ничего не боялись, ни змеи, ни даже медведя. И тогда расцветал в объятиях огромных холмов и в наших душах деменовский рай... После того наступит время труда и его заботы повседневности... Разус изобразил мир, который сошел с ума, вышел из своей колеи, когда мы перестали быть собой, со своей свободой потеряли и свободу ног, потеряли крылья наших душ, а ведь воля ног, рук и тела — разве это не есть ценнее всего? Чем дальше мы очутились от нашего потерянного рая, тем ближе мы были к животному бытию. Когда мы были еще детьми простой природы, мы все же были намного лучше, чем мы сегодня, умея долго и многословно морализировать о том, какими добрыми мы должны быть. Но мы были такими. «Тогда мы сумели воодушевиться таинственной пещерой «Под истоком», сегодня мы умеем уже лишь точно вести счета в бухгалтерской книге — все и всегда калькулировать» (Rázus 1968: 187). Разус размышлял над человеком, философией жизни и моментами жизни посредством разных форм развития жизни, экзистенциальных форм движения, где первый период — это первый этап человеческой жизни. то есть детство, период обеспеченности, где решающим оказывается «oikos» — дом и семья, любовь, принятие (аксертácia)⁸, второй период — время жизни зрелых лет — «труд» —

⁸См. также у Паточки — (Patočka 1990: 46–47) или (Patočka 1969), здесь через сравнение Хайдеггера и Ясперса, а также Сартра, дающего акцент на тело и телесность. Паточка здесь предлагает свои формулировки жизни и понятия «экзистенция», чтобы противопоставить жизни без смысла, жизни повседневности и «отчуждению», «бегу от самого себя», потере индивидуальности — поиск самого себя посредством философии как заботы о душе в движении творческого размера жизни и самого себя. Так движение моей собственной экзистенции, по словам Паточки, получает опреде-

этап репродукции, «знание», конфронтация с миром и другими людьми, анонимность жизни, «отчуждение», мир повседневности, и третий период перелома — подъем, инициатива, но также и «бунт», когда мир перестал быть обычным фоном и наступает период истины и истинной формы жизни, где реализуется поиск смысла после потрясения, поиск самого себя и свободы вместо разума и знания, которое все обосновывает и обосновывается борьба, *polemos*. Здесь можно говорить об открытой душе, где философы часто работали с мыслями Коменского и гуманистической традиции истории философии, начиная с античности, Ренессанса и до философии XX века⁹.

Мартин Разус был не только поэт и писатель, он мыслящий и ищущий человек, философствующий, мудрствующий теолог. Можно согласиться со словами Паточки, что для философа мир есть, был и всегда остается проблемой и постоянно возникающий вопросом, местом его бесконечных поисков и сомнений, вечных мук и колебаний. Так было и с Разусом. Мысль Гегеля о том, что каждый есть сын своего времени, может многое объяснить. Эта мысль работает тем более, если сыном своего времени является мыслитель и художник, поэт и писатель. Лев Шестов позволил себе не согласиться с мыслью всеми чтимого авторитета — светила философии, профессора Гегеля. Шестов, как и Ясперс, говорил, что есть и пасынки, а не только сыны своего времени, т. е. «исключения», какими были Достоевский, Ницше, а также Кьеркегор и Спиноза.

В начале XX в. Разус был одним из молодых борцов словацкой нации, сподвижников словацкого национального освободительного движения от Австро-Венгрии до и во время Первой мировой войны. Он участвовал в реализации идей академика и политика Т. Г. Масарика и ученого-астронома, дипломата и генерала французской армии М. Р. Штефаника в борьбе за свободу и братское сожителство двух славянских наций — чехов и словаков — в одном государстве вместе с моравами.

Но праздник не длится вечно. После радости свободы и обретения словаками права на самоопределение, после эйфории возникновения государства Чехословакии именно Мартин Разус стал одним из первых критиков положения словаков. Это произошло потому, что во многих из учеников Масарика, получивших власть и стоявших у руля нового государства в разных чинах, Разус разочаровался и понимал, что происходит, откуда идут все административные распоряжения, приказы администрации: из центра новой республики — Праги. Все политики и капиталисты ведут борьбу лишь за себя и свои узкие интересы. Но самое важное для писателя и проповедника Разуса — это экономическая, социальная ситуация народа, жизнь и реальные проблемы которого политиков совсем не интересуют.

ление как истинная форма жизни, подлинная форма жизни — через отношение «мир — бытие», и человек как существо мира дается через принятие решения и ответственность за свои поступки, готовность быть духовно зрелым, сбывться и осуществить самого себя в возможности, в бытии как жизни в правде.

⁹См. (Сергеев 2007).

Новое правительство и государство Чехословакии времен президента Масарика Разус изобразил как корову. Посредством этого образа хотел сказать, что то, для чего надо стараться, все начинают рвать на куски. Страна — как корова, которую новые господа, плохие хозяева — политики в Праге — используют лишь для себя, и все их интересы вращаются вокруг того, чтобы ее смог каждый из них подоить и в дикой жажде истощить ее, чтобы скопить богатство и владеть им. Разус жалеет свой народ, так как он знает, что значит долго терпеть в рабстве, как дорого бывает заплатить кровью своих детей за осуществление своей многолетней мечты, тоски по свободе и суверенному государству. Об этом он пишет с горестью в своем стихотворении: «Я буду доить [как корову. — П. Н.], ты подоишь, он подоит. Летом и зимой — мы все ее подоим! Я кормлю, ты кормишь, он кормит. Кого? — себя! Вот почему не хватает хлеба для словаков!» Тогда ситуация, про которую писал Разус в только что образовавшейся Чехословакии, была почти такая же, как сегодня в 2022 г. в Словакии и в бравом Европейском сообществе. Политики имеют лишь один интерес — свой, все для себя, своей наживы и интересов. Наверное, такой была и остается судьба малых наций и государств. Из его мыслей стоит привести еще одну. «Свинки мои, мои поросята, если уж наступило время новое, задумайтесь над словом моим, не грызитесь, не толкайтесь, не бросайтесь с копытами в кормушку». Разус посредством своих книг и поэзии описал свои просьбы и желания: «Если у тебя в руке весло, делай свое дело ответственно, старайся в себе убить грех. Ибо мы же все, вся семейка, с тобой же находимся на лодке (плот из бревен) этой... и ты сегодня на плечах своих несешь ответственность за путь...» Можно сравнить Разуса с жизнью исключений, какими были как Достоевский, Ницше или Кьеркегор. Они также всю свою жизнь прожили в служении идее и своим идеалам. Разус умер молодым, как и В. Соловьев, как бы сжег, исчерпал себя в огне любви, мечты и внутренних страданий. За кого? За свой народ, за свою нацию, ее свободу и за ее будущее... Разус — проповедник, наставник и утешитель, призывает к борьбе с самим собой, со своим рабским образом жизни, ленивостью и глупостью, призывает к борьбе, но не посредством войны, а наоборот, через любовь и прощение. Человек должен расти, духовно созревать, работать, трудиться как скульптор, именно так каждый должен работать сам над собой, чтобы быть творцом своей жизни.

Наше детство, или, лучше, наша молодость — наш рай — это был и навсегда остается университетский рай. Мы тогда были молоды, красивы и свободны — именно так писал про «Деменовский рай» Мартин Разус. Как вспоминал про свои университетские годы Х.-Г. Гадамер, так можем вспоминать и мы. Там был наш рай, он был связан с университетом и философским факультетом Ленинграда — Петербурга, особенно с вечерним отделением философского факультета, куда мы ходили дополнительно слушать лучших преподавателей, начиная с первого курса и далее целых пять лет в студенческие времена и в аспирантуре. Тогда на философском факультете вели занятия самые уникальные преподава-

тели — Е. С. Линьков по Гегелю и К. А. Сергеев по Канту и Ренессансу. Они читали лекции свободно, без надзора администрации, как нам казалось, и лишь для добровольцев мысли — для студентов и для публики. На их лекции приходили не только студенты, но и другие слушатели, молодые и более зрелые люди, коллеги-преподаватели из других вузов и художники. Так процветала философия в авторитарном Советском Союзе, в Ленинграде — самом сердце пролетарской революции 1917 г., так жили мы, студенты — добровольцы мысли, желающие вдохнуть свободы, глотка чистой и свежей мысли... Сверх обязательных занятий мы ходили на лекции Я. А. Слинина по феноменологии, которые он читал для аспирантов дневного отделения. Свобода мысли, светлые времена философии — как странно сегодня опять вчитаться в разговоры М. Мамардашвили с А. Эпельбуэн «Мысль под запретом» (Мамардашвили 1992а, б)¹⁰, когда в 2022 г. мы живем в ситуации государственных форм насилия, которые схожи с тем, чем была линия компартии и «вождей народа» во времена сталинских расправ с инакомыслящими.

«Деменовский рай». Детство, молодость — она всегда вне забот повседневности.

Для меня было почти открытием нового континента, когда мне довелось познакомиться с текстами Ярослава Анатольевича Слинина из тех сфер его мысли, которые долго для меня оставались непознанными, были мне неизвестны. Многие его статьи опубликованы в журналах и сборниках, они пока еще не собраны в книги автора под одну обложку для современников и будущих читателей. Издательство «Наука» в рубрике «Слово о сущем» постепенно издало ряд его трудов в формате книги. Книги Я. Слинина ставят самые сложные вопросы философии, их автор не хочет и не желает вести монолог, а наоборот, он в дружеском философском разговоре, в диалоге с читателем старается реализовать поиск ответа и сам стремится предложить решение своим языком, игрой слова, мысли, серьезности, юмора и со своей беззаботной легкостью... Это все имеет свой особый аромат, мысль и правила игры, но в то же время все в единстве — с глубиной знания, эрудицией и серьезностью, по-слинински ненавязчиво предлагает свои мысли и возможные способы, подходы и решения, а не авторитетные ответы. Я. А. Слинин не любит вести морализаторские речи. Можно задать вопрос: «Кто есть человек?» Ответ мог бы быть: «Человек читающий» — «Homo legens». Книги, тем более философские труды, такие как книги Я. А. Слинина, — их можно и нужно читать не один раз.

---

¹⁰Здесь хочу поблагодарить доктора Анабелу Катреничову, филолога и теолога, за ее помощь с поиском текстов Мераба Мамардашвили, изданными во Франции, а также текстов Лейбница на латыни и французском языке. Ее научные исследования связаны с историей философии, литературы и культуры Средневековья, особенно Августина Блаженного, тексты которого она переводит на словацкий язык. Ее исследования помогли мне понять мышление Нового времени, особенно Лейбница, в свете августицизма Нового времени, важные контексты в связи философии, науки, религии, но также и реализации греческой «*paideia*», «*idea humanitas*», «*republica literaria*» (Katreničová 2021a, b).

Гастон Башляр сказал, что книги надо всегда читать несколько раз... Их надо читать повторно, 3, 4, 6 или 7, 8 раз — особенно те из них надо читать, которые смогут вас и вашу душу задеть изнутри. Хорошие книги имеют в себе внутреннюю силу, особый магнетизм — волшебную и магическую силу, посредством книги можно упасть в «магическое». Через книгу, слова и мысли автора можно войти в разговор, быть сожителями вместе с Учителем в мире мысли, и там вблизи света, истины, добра и красоты прикоснуться к вечности. Я имел возможность понять, почему философия имеет своим началом удивление, и если можно принять философию лишь через древних греков и их симпозиумы, как это делают многие, то в книгах Я. А. Слинина можно узнать также и про темы религии и литературы, а тем более и про философию трагедии и ее поиски.

Посредством лекций, книг и встреч с Я. А. Слининим мы, студенты, открыли для себя новый размер и бесконечные миры философии посредством философской мысли, слов, жестов, слова и молчания, улыбки, веселости, вглядываясь в глаза Учителя, где можно увидеть маленькое пламя, пылающее в его глазах, потому что именно глаза есть то место, где можно увидеть хрустальную чистоту его вечно детской и благородной души, доброту, характер профессора Я. А. Слинина. Учитель, он был всегда для нас и в общении с нами свободен и не скован, так как его разум был постоянно в связи с его сердцем. Его душа смогла сохранить крылья. Нам казалось, что он не был по-гамлетовски внутренне разорван, не был никогда в споре сам с собой. Может быть, что лишь дома, как Сократ, в разговоре с собой, когда вел важные разговоры с собой наедине, можно было бы услышать рождающуюся мысль, его самые сокровенные мысли. Для нас же он был всегда собран, держа себя крепко в руках. Ярослав Анатольевич, всегда бодрый и веселый, в хорошем настроении, потому что он сам, его разум, строгая, точная и последовательная мысль логика, философа и феноменолога, была нерасторжимо связана с Добром, добротой, а также с душой мастера-художника, с Красотой, философа-эрудита, совсем уж не интеллектуала, в смысле определений и мыслей Паточки, но именно духовного человека с его свободой и желанием узнать и открыть мир, который для него не был чем-то повседневным, беспроблемным и само собой разумеющимся.

В духовной жизни, как заметил, рассуждая о жизни и смысле Паточка, следуя в духе Шестова, нет крепкой почвы действительности, но нам мир показывается, и кое-что здесь открывается, но это открывающееся для людей ищущих — новый размер духовной жизни. При чтении книг, статей и текстов Я. А. Слинина, которые можно читать с большим удовольствием и радостью, мне припоминается сам автор. Я. Слинин умеет писать и объяснять самую сложную философскую проблему и тему так, что он вступает прямо в разговор с читателем, как с близким человеком, с тобой лично, и не возникает впечатление, что автор этих строк хотел бы тебе читать мораль или надуманно вел себя, хотел в чем-то обмануть или внушить какую-нибудь идейку ради шутки или издевательства над тобой. Нет, он

ведет себя аккуратно и честно, как классический профессор давних времен — с уважением к себе и своему партнеру.

Я. А. Слинин — ученый, философ, логик. Но не только. Также историк философии. Может быть, хватит этих слов для того, чтобы приблизить человека из академического мира — профессора. Разве так? Нет, там еще много не хватает. Я. А. Слинин — блестящий знаток феноменологии, любитель, ученик и наследник Аристотеля, читатель диалогов Платона — все это чтобы получить ориентацию и опыт в охоте на истину, чтобы перейти далее к охоте за мудростью Николая Кузанского, рассуждениям Р. Декарта и его прениям с современниками и наследниками Гуссерля и Сартра.

Ярослав Анатольевич Слинин, прежде всего для нас всех, ему близких людей, — это человек большого сердца и блестящего ума, учитель, наставник и друг... Юбиляр Я. А. Слинин — любитель мудрости, как выразился его близкий друг К. А. Сергеев, «эросной мудрости» Платона, которая открывает самые важные темы философии и ее поисков, включая тему любви и дружбы. Много мыслей Я. Слинина мы можем найти в его трудах — научных статьях, книгах, разговорах, — но это все не ответит на простой вопрос: кем на самом деле был и кто есть профессор Ярослав Анатольевич Слинин? Кроме того, он уже живет вне своего тела, он живет в мыслях и сердцах своих студентов и учеников. Его мысли и советы всем нам много раз были в помощь, так как он без того, чтобы таким хотеть быть, есть и остается как образец жизни философа и как авторитет. Кто есть Ярослав Анатольевич, уже десятилетия для людей, трудящихся в ЛГУ и позже в СПбГУ, и особенно кто был, есть и останется для студентов, аспирантов, для преподавательского состава — учителей, друзей и коллег философского факультета, ныне Института философии СПбГУ в Санкт-Петербурге? Философ, духовный человек, мудрец? Наверное, да. Но мне хотелось бы сказать, что больше всего в профессоре Я. Слинине соединены как в одно целое не только необычный ум ученого, эрудита с блестящей памятью, но и сердце, как бы сказал Б. Паскаль. Логик, не отказывающий в правах на жизнь не только мысли, разуму, что само собой разумеется, но также и иным аргументам по логике *сердца*. Ярослав Анатольевич Слинин, про книгу которого «Трансцендентальный субъект» (2004) замечательно написал его коллега и друг Юрий Валерианович Перов, мастер слова, человек широкого знания, немецкой философии и немецкого романтизма, философии культуры. Лада Цыпина написала о Ю. В. Перове, своем учителе, эти слова: «тактичный руководитель, блестящий эрудит и интереснейший собеседник» (Цыпина 2012: 36). Ю. В. Перов, заведующий кафедрой истории философии, наш учитель и центр жизни и дел кафедры истории философии, был человек, для которого философия была «дело веселое и свободное». Мы согласны. Его голос, смех и юмор, доброта, но также и слово, вес слова, такт и ответственность были чем-то особым. Но он был профессор, столп — человек, который умел быть за рулем, умел и любил руководить, решать и управлять кафедрой, факультетом. Мы видели, как он взял

кафедру в свои руки, когда она была в хаосе и развале. Ю. В. Перов обладал харизмой, имел особые права, он действительно имел право дать слово, он мог, смел обещать, так как знал, что свое слово всегда сможет реализовать, потому его слово и решения, поступки были более тверды, чем закон. Ю. В. Перов написал, как сам выразился, не рецензию, но лишь заметки на полях под названием: «Трансцендентальный субъект Ярослав Анатольевич Слинин». Это диалог двух мастеров философии, Автора и Читателя, игра рассуждения и аргументов философа аналитической мысли, слов и юмора. Чтобы вспомнить эти слова в заключение наших небольших воспоминаний и коротких раздумий, понадобилось бы много листов бумаги и чернил, но мастер слова Ю. В. Перов, наш учитель и образец человека, любящего философию, беседу и встречи, сказал самое важное. Главное «здесь не трансцендентальная феноменология сама по себе, а книга Я. А. Слинина как автопортрет трансцендентального субъекта. В автопортрете помимо поразительной философской и общекультурной эрудиции Автора, его высочайшего профессионализма, предельной последовательности и организованности философского „дискурса“ (модное слово!), умения излагать сложные предметы так, что их сможет понять „даже турок“ (выражение Декарта), запечатлены качества Автора, о которых мы и раньше знали, но порой стеснялись сказать» (Перов 2012: 199). Для чего, зачем нужны логики? Наверно именно для того, чтобы они, как Я. А. Слинин, посредством слова передавали свет мысли, светлую радость дела мышления, для того, чтобы нам помогли понять и прикоснуться к вершинам мысли и дотронуться до шедевров совместного дела и усилий, которым было и остается «Слово о сущем» и в котором мы всегда найдем их след: Ю. В. Перова — К. А. Сергеева — Я. А. Слинина, а также и их коллег и сотрудников.

Литература

- Ахутин 2005 — *Ахутин А. В.* Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005.
- Батракова 2018 — *Батракова И. А.* Школа мысли // *Линьков Е. С.* Лекции разных лет по философии. Т. 1. СПб.: Умозрение, 2018. С. VI–XIX.
- Декарт 1989 — *Декарт Р.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989.
- Мамардашвили 1992a — *Мамардашвили М. К.* Мысль под запретом (беседы с А. Эпельбуэн) // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 70–78.
- Мамардашвили 1992b — *Мамардашвили М. К.* Мысль под запретом (беседы с А. Эпельбуэн) (окончание) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 100–116.
- Мамардашвили 2004 — *Мамардашвили М.* Стрела познания. Сборник. М.: Тайдекс Ко, 2004.
- Марков 2017 — *Марков Б.* Образы Европы у Ницше, Достоевского, Шестова и Паточки // *Nezník P., Markov B. a kol.* Dostojevskij a Nietzsche. Apoteóza nezakorenenosti. Za a proti... Košice: UPJŠ v Košiciach, 2017. S. 57–76.

- Марков, Незник 2017 — *Марков Б., Незник П.* Введение. Апофеоз беспочвенности: еретические размышления Достоевского, Ницше, Шестова и Паточки об Европе и во время «после-Европы» // *Nezník P., Markov B. a kol. Dostojevskij a Nietzsche. Apoteóza nezakorenosti. Za a proti...* Košice: UPJŠ v Košiciach, 2017. S. 27–42.
- Перов 2012 — *Перов Ю. В.* Трансцендентальный субъект Я. А. Слинин // Ю. В. Перов: *Философия жизни и жизнь в философии. Книга воспоминаний* / сост. Б. В. Марков, А. А. Липская. СПб., 2012. С. 183–200.
- Сергеев, Слинин 1987 — *Сергеев К. А., Слинин Я. А.* Диалектика категориальных форм познания (Космос Аристотеля и наука нового времени). Л.: Издательство ЛГУ, 1987.
- Сергеев, Слинин 1991 — *Сергеев К. А., Слинин Я. А.* Природа и разум: античная парадигма. Л.: Издательство ЛГУ, 1991.
- Сергеев 2007 — *Сергеев К. А.* Ренессансные основания антропоцентризма. СПб.: Наука, 2007.
- Слинин 2001 — *Слинин Я. А.* Трансцендентальный субъект. Феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001.
- Слинин 2004 — *Слинин Я. А.* Феноменология интерсубъективности. СПб.: Наука, 2004.
- Слинин 2012 — *Слинин Я. А.* От Платона до Сартра. Поиски аподиктической истины. СПб.: Наука, 2012.
- Слинин 2013 — *Слинин Я. А.* Аристотель и онтологические основания логики. СПб.: Наука, 2013.
- Шестов 1900 — *Шестов Л.* Шекспир и его критик Брандес // *Собрание сочинений. Том первый. Издание второе.* СПб.: Шиповник, 1900.
- Шестов 1937 — *Шестов Л.* Sine effusione sanguinis. О философской честности (по поводу книги «Vernunft und Existenz» К. Ясперса) // *Путь. Август — декабрь 1937. № 54.*
- Шестов 1992 — *Шестов Л.* Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М., 1992.
- Шестов 2001 — *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // *Ницше: Pro et Contra. Антология* / сост. Ю. Синеокая. СПб.: Издательство РХГИ, 2001. С. 445–597.
- Цыпина 2012 — *Цыпина Л. В.* Уроки философского вкуса // Ю. В. Перов: *Философия жизни и жизнь в философии. Книга воспоминаний* / сост. Б. В. Марков, А. А. Липская. СПб.: 2012. С. 35–38.
- Boros 2009 — *Boros G.* Molière, Descartes, Générosité prel. Š. Németh // *Filozofia.* 2009. Roč. 94, č. 2. S. 133–143.
- Gadamer 1995 — *Gadamer H.-G.* Von Lehrenden und Lernenden // *Hans-Georg Gadamer: Hermeneutik und Rückblick.* Tübingen, 1995. S. 311–315.
- Gadamer 2000 — *Gadamer H.-G.* Filosofie mezi vědou a přirozeným světem // *Fenomén jako filosofický problém* / I. Chvatík; P. Kouba (eds.). Praha: Oikúmené, 2000. S. 250–269.
- Heidegger 2014 — *Heidegger M.* Co znamená myslet? / prel. P. Fischer; I. Chvatík. Praha: Oikúmené, 2014.
- Heidegger 2017 — *Heidegger M.* Načo básnici? / prel. I. Chvatík. Praha: Oikúmené, 2017.

- Jaspers 2003 — *Jaspers K.* Rozum a existence. Päť prednášok / prel. P. Elexová. Bratislava: Kalligram, 2003.
- Jaspers 2008 — *Jaspers K.* Duchovní situace doby / prel. M. Váňa. Praha: Academia, 2008.
- Katreničivá 2021a — *Katreničová A.* Virgo. Uxor. Vidua. Panenstvo, manželstvo a vdovstvo v učení Aurélie Augustína. Košice: UPJŠ, 2021.
- Katreničivá 2021b — *Katreničová A. (ed.)*. Žena hrdinka. Zborník príspevkov. Košice: UPJŠ, 2021.
- Koyré 2005 — *Koyré A.* Rozhovory nad Descartem / prel. P. Horák. Praha: Vyšehrad, 2005.
- Nezník, Markov 2017 — *Nezník P., Markov B. a kol.* Dostojevskij a Nietzsche. Apoteóza nezakorenosti. Za a proti... Košice: UPJŠ v Košiciach, 2017.
- Ortega y Gasset 1996 — *Ortega y Gasset J.* Meditace o ženách a o lásce / prel. J. Kolár, Z. Šmíd, S. Hartl. Pelhřimov: Nová tiskárna Pelhřimov, 1996.
- Ortega y Gasset 2007 — *Ortega y Gasset J.* Meditace o Quijotovi / prel. M. Mašínová. Brno: Host, 2007.
- Patočka 1969 — *Patočka J.* Co je existence? // Filosofický časopis. 1969. Roč. 16, č. 5–6. S. 682–702.
- Patočka 1990 — *Patočka J.* Kacířské eseje o filosofii dějin. Praha: Academie, 1990.
- Patočka 1993 — *Patočka J.* Úvod do fenomenologické filosofie. Praha: Oikúmené, 1993.
- Patočka 2002 — *Patočka J.* Duchovní člověk a intelektuál // Péče o duši I. Praha: Oikúmené, 2002. S. 355–371.
- Patočka 2008 — *Patočka J.* Karl Jaspers // Fenomenologické spisy I. Přirozený svět. Texty z let 1931–1949. Praha: Oikúmené, 2008. S. 299–307.
- Sartre 2006 — *Sartre J.-P.* Vědomí a existence / prel. J. Čapek, M. Petříček. Praha: Oikúmené, 2006.
- Rázus 1968 — *Rázus M.* Demänovský raj // Sochár čas. Bratislava: Tatran, 1968. S. 185–188.
- Sartre 2016 — *Sartre J.-P.* Vědomí a existence / prel. J. Čapek, M. Petříček. Praha: Oikúmené, 2016.
- Shakespeare 1963 — *Shakespeare W.* Hry / prel. E. A. Saudek. Praha: Mladá fronta, 1963.